

Лев Толстой. Смерть Ивана Ильича

I

В большом здании судебных учреждений во время перерыва заседания по делу Мельвинских члены и прокурор сошлись в кабинете Ивана Егоровича Шебек, и зашел разговор о знаменитом красовском деле. Федор Васильевич разгорячился, доказывая неподсудность, Иван Егорович стоял на своем, Петр же Иванович, не вступив сначала в спор, не принимал в нем участия и просматривал только что поданные "Ведомости".

- Господа! - сказал он, - Иван Ильич-то умер.

- Неужели?

- Вот, читайте, - сказал он Федору Васильевичу, подавая ему свежий, пахучий еще номер.

В черном ободке было напечатано: "Прасковья Федоровна Головина с душевным прискорбием извещает родных и знакомых о кончине возлюбленного супруга своего, <1> члена Судебной палаты, Ивана Ильича Головина, последовавшей 4-го февраля сего 1882 года. Вынос тела в пятницу, в час пополудни".

Иван Ильич был сотоварищ собравшихся господ, и все любили его. Он болел уж несколько недель; говорили, что болезнь его неизлечима. Место оставалось за ним, но было соображение о том, что в случае его смерти Алексеев может быть назначен на его место, на место же Алексеева - или Винников, или Штабель. Так что, услышав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была и том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых.

"Теперь, наверно, получу место Штабеля или Винникова, - подумал Федор Васильевич. - Мне это и давно обещано, а это повышение составляет для меня восемьсот рублей прибавки, кроме канцелярии".

"Надо будет попросить теперь о переводе шурина из Калуги, - подумал Петр Иванович. - Жена будет очень рада. Теперь уж нельзя будет говорить, что я никогда ничего не сделал для ее родных".

- Я так и думал, что ему не подняться, - вслух сказал Петр Иванович. - Жалко.

- Да что у него, собственно, было?

- Доктора не могли определить. То есть определяли, но различно. Когда я видел его последний раз, мне казалось, что он поправится.

- А я так и не был у него с самых праздников. Все собирался.

- Что, у него было состояние?

- Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что-то ничтожное.

- Да, надо будет поехать. Ужасно далеко жили они.

- То есть от вас далеко. От вас вс- далеко.

- Вот, не может мне простить, что я живу за рекой, - улыбаясь на Шебека, сказал Петр Иванович. И заговорили о дальности городских расстояний, и пошли в заседание.

Кроме вызванных этой смертью в каждом соображении о перемещениях и возможных изменениях по службе, могущих последовать от этой смерти, самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я.

"Каково, умер; а я вот нет", - подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования.

Ближе всех были Федор Васильевич и Петр Иванович.

Петр Иванович был товарищем по училищу правоведения и считал себя обязанным Иваном Ильичом.

Передав за обедом жене известие о смерти Ивана Ильича и соображения о возможности перевода шурина в их округ, Петр Иванович, не ложась отдыхать, надел фрак и поехал к Ивану Ильичу.

У подъезда квартиры Ивана Ильича стояла карета и два извозчика. Внизу, в передней у вешалки прислонена была к стене газетовая крышка гроба с кисточками и начищенным порошком галуном. Две дамы в черном снимали шубки. Одна, сестра Ивана Ильича, знакомая, другая - незнакомая дама. Товарищ Петра Ивановича, Шварц, сходил сверху и, с верхней ступени увидав, входившего,